

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ.

1859.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Базунова, Свѣш-
никова, Щенкина, Лоскутова, Улитина, Салаева,
Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова
и Комп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. с. въ годъ.
съ доставкою. 4 .
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 .
Съ пересылкою въ города. . . 5 .

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

СОДЕРЖАНІЕ: За городомъ. Стих. К. И. Бабикова. — Знакомство. Сцены. А. Студина. — Миссъ Дэвисъ. Разсказъ Диккенса. — Мелочи. — Исторія художника Пестрова (политипажъ) К. И. Рабуса. — Удовольствія сельской жизни (политипажъ. — Петербургскій телеграфъ А. К. Злова. — Отчего иногда можетъ разстроиться человекъ (политипажъ) И. О. Шестакова. — Частныя объявленія. — Библиографическія извѣстія.

ЗА ГОРОДОМЪ.

Душный городъ! Богъ съ тобою!
Въ поле дышитъ грудь вольный. . .
Дремлютъ ивы надъ водою,
Въ роцъ свещеть соловей,
Зрѣеть рожь на злчныхъ нивахъ,
Слышна пѣсня мужика,
И, вся въ радужныхъ отливахъ,
Мчится весело рѣка.
Какъ просторно, какъ широко,
Ароматно и тепло! . . .
Тонетъ взоръ въ дали глубокой,
На душъ моей свѣтло! . . .
Горе, слезы и заботы
Позабылъ я средь луговъ
И лежу въ полудремотѣ
На травѣ, въ тѣни дубовъ.
Что за чудныя картины!
Нивы золотомъ горятъ, . . .
Синій льсъ. . . деревъ вершины
Тихо, тихо шелестятъ! . . .
Вотъ кустарникъ. . . Заяцъ шибко
Пробѣжалъ между кустовъ. . .
Вижу я: па влагъ зыбкой
Отразилась тѣнь дубовъ! . . .
Быстро день промчался! . . . Полный
Мѣсяцъ выплылъ въ небесахъ. . .
Тихо. . . Только шепчуть волны —
Шорохъ слышу я въ кустахъ. . .

Въ роцъ вѣтка захрустѣла. . .
Чу! далеко за рѣкой
Чья то пѣсня прозвенѣла! . . .
Шумный городъ! Богъ съ тобой! . . .
Не люблю я улицъ длинныхъ,
Безконечный рядъ домовъ,
И садовъ жеманно-чинныхъ,
И рѣшотокъ, и мостовъ. . .
Грустно мнѣ въ столицѣ душной! . . .
Громъ каретъ и суета,
Ростовщикъ — скупецъ бездушный,
Грязь, порокъ и нищета,
И развратъ подъ маской лживой,
И богатый дворянинъ,
Недоступный и спѣсивый,
И обманщикъ мѣщанинъ —
Всѣ и все такъ безобразно!
Тяжело мнѣ средь людей —
Средь толпы блестяще-грязной. . .
Въ поле! за городъ скорѣй:
Тамъ съ души слетаетъ мука,
Тамъ я веселъ и счастливъ, —
Тамъ не слышу жалобъ звука! . . .
Дальней пѣсни переливъ,
Шумъ задумчивой березы
Да журчаніе ручья —
Слышу тамъ! . . . И снова въ грезы
Погружаюсь тихо я! . . .

К. БАБИКОВЪ.

ЗНАКОМСТВО.

СЦЕНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

Лица:

Семень Семенычъ Шабаевъ, купецъ, человекъ, какъ выражаются въ простомъ быту, стараго покроя.

Меводий, сынъ его, 22 лѣтъ. Безхарактерный. При первомъ претствіи отказывается отъ своихъ предпріятій.

Безмыкинъ, молодой чиновникъ. Фразеръ. Любитъ блеснуть краснымъ словомъ и потому на каждомъ шагу употребляетъ громкія фразы.

Степанъ, прикащикъ Шабаева.

Кроткина, пожилая купчиха. Робкая, и какъ бы угнетенная женщина.

Маша, дочь ея, 18 лѣтъ. Полная, здоровая дѣвушка; румянецъ во всю щеку. Одѣвается пестро: на каждой рукѣ по два браслета и нѣсколько колець.

Авдотья, горничная Кроткиной. Любитъ разсуждать и выказываться.

Потяхина, купчиха.

Дѣйствіе въ домѣ Кроткиной.

I.

Кроткина вяжетъ чулокъ; Маша сидитъ у окна; Шабаевъ входитъ.

Шабаевъ. Вотъ уродина! Вѣдь это что такое? вѣдь это, я тебѣ скажу, просто чортъ знаетъ что такое?

Кроткина. Что ты, батюшка, говоришь?

Шабаевъ. Какъ что?... Меводій—то мой шляпу купил!

Кроткина. Какую шляпу?

Шабаевъ. Какъ какую? вѣстимо, пуховую; шесть серебряныхъ отвалилъ. Вотъ—те и смотри на него; давеча и не узналъ; думалъ, какой покупатель въ лавку привалилъ, смотрю, анъ это Меводій.

Маша. Чтожь, дяденька? теперь всѣ шляпы носятъ.

Шабаевъ. Кто всѣ? баре, чиновники, а онъ что за птица? у меня поддѣвка дешевле его шляпы. Нѣтъ это значить, рано волю въ деньгахъ далъ; а все этотъ историкъ надоумилъ, ему бы и въ голову не пришли такіе балансы; надать, говорить, тебѣ шляпу купить, чтобъ дѣвки любовались; ты, говорить, малой—то видный, сейчасъ цѣлый десятокъ полонишь.

Кроткина. Какой, ты говоришь, историкъ?

Шабаевъ. Какъ же, дружбу свелъ съ какимъ—то чиновникомъ; хочу, говорить, тятенька, въ свѣтъ пуститься; а въ лавкѣ, говорить, и прикащикамъ дѣлать нечего. Въ свѣтъ пуститься, какъ будто бы въ лавкѣ свѣту нѣтъ; вотъ тебѣ и на да понеси съ грошомъ по десяти!

Маша. Дяденька! пуститься въ свѣтъ, значить вступить въ высшее общество.

Шабаевъ. Въ какое высшее, чтобъ по шеямъ выгнали оттедова, да треуховъ надавали; залетѣла ворона въ высокія хоромы.

Кроткина. Вотъ и моя то же, все объ высшемъ обществѣ да о чиновникахъ толкуеть.

Шабаевъ. Дурачье они, пустомѣли глупые. Своимъ бы дѣломъ занимались, да одѣвались бы прилично своему званію, а то ишь цѣпи какія—то навѣшала, словно скованная, глядѣть—то омерзительно.

Кроткина. И я ей то же говорю, чтобъ только по праздникамъ носила...

Маша. Ну, и вы туда же, маменька! ужъ лучше бы молчали.

Шабаевъ. Ишь, какъ огрызается, мать въ грошъ не ставитъ, съ башмакомъ уравнила,—не моя ты дочь, а то бы...

Маша. Что, то бы? вѣдь и у васъ есть дѣти, однако они васъ нисколько не слушаютъ.

Шабаевъ. Этому не я виноватъ, а жена дура, такая же какъ и мать твоя, всѣ вы такіе дурачье набитое.

Маша. Ну, ужъ и вы—то очень умны, никакого приличія въ обращеніи не имѣете.

Шабаевъ. У купца въ карманѣ приличіе, а не въ обращеніи, намъ на одной ножкѣ не вертѣтся (бьетъ по карману), былъ бы вотъ этотъ сударь въ приличіи.

Авдотья (входитъ). Вотъ, вамъ, барышня, книгу прислали; просятъ прочитать скорѣе.

Маша. Благодарю, скажи, что завтра возвращу.

(Авдотья уходитъ).

Шабаевъ. Ишь, книги читаетъ; вѣдь у матери есть молитвенникъ, вотъ бы и читала его; такъ нѣтъ. У васъ въ головѣ только романы да синіе кафтаны.

Маша. Въ романахъ не печатаютъ о кафтанахъ, въ нихъ описываются люди высшаго общества, съ ихъ чувствами и страстями.

Шабаевъ. Ишь, рѣжетъ, что твой семинаристъ! словно по написаному. Нѣтъ, сестра, я бы, право, запретилъ имъ читать эти романы, онѣ изъ нихъ только фаноберіи набираются, старшихъ ни во что не ставятъ.

Кроткина. Да развѣ она меня станетъ слушаться? я ужъ сколько дней прошу, чтобъ платки подрубила, такъ и то нѣтъ. Какъ вотъ у Самоправиныхъ дѣвушкито, все сами дѣлаютъ: какая въ пальцахъ вышиваетъ, какая на рукахъ что—нибудь эдакое рукодѣлитъ; духъ радуется, глядишь не наглядисься. Истинно примѣрныя дѣвушки.

Шабаевъ. А все отчего это такъ хорошо? оттого, что мать женщина строгая: у ней дочь не станетъ такъ огрызаться, сейчасъ острастку дастъ; тамъ коротка расправа, одной рукой дастъ пинька, а другой поддержитъ,—баба дюжая.

Маша. И вы думаете, хорошо это?

Шабаевъ. Вѣстимо, не дурно: за битаго двухъ небитыхъ даютъ.

Степанъ (вбѣгая). Семень Семенычъ! пожалуйста ко двору скорѣйча, у насъ не совсѣмъ ладно...

ШАБАЕВЪ. Что такое?!

Степанъ. Съ позволенія сказать, Николай Семенычъ въ хмелю прѣхали, привезли съ собой своего благопріятеля и дебошь на весь домъ подняли. Дарьи Петровнѣ носъ разбили, а этотъ-съ благопріятель ихній, схватилъ барышню, и даже, съ позволенія сказать, два раза мамзелью назвалъ.

ШАБАЕВЪ. Что-жь ты такъ горланишь? я подумалъ что домъ горить, а эвта не велика бѣда. (Уходитъ).

Степанъ (уходя за Шабаевымъ). Человѣкъ какъ-есть горячій, хотъ и купеческій братъ, а поведенія никакого не имѣеть.

Маша. И что вашъ братецъ все наставленія читаетъ, какое ему дѣло до другихъ, а вы то же ему поддакиваете, ужъ хотъ бы вы-то молчали.

Кроткина. Его слушать надо: онъ дѣлецъ, капиталъ своими руками нажилъ.

—

II.

Тѣ-же и Меѳодій.

Меѳодій. Наше вамъ сердечное! (указываетъ на шляпу), что-съ, хороша-съ? Сейчасъ съ иглочки.

Кроткина. Ну, вы тутъ потолкуйте себѣ, а я пойду сестрицу провѣдаю: третій день съ кровати не встаетъ, сердечная! Охъ, помилуй Господи, женщина сырая, того и гляди накроетъ. (Уходитъ).

Маша. Ахъ, какъ идетъ къ тебѣ эта шляпа!

Меѳодій. Небось, знай нашихъ, вчера иду по Тверскому съ Безмыкинымъ, такъ всѣ и смотрятъ, а одинъ его знакомый подходитъ къ нему и говоритъ: кто это съ тобою ходитъ? Право, задали феферу. Вотъ что значить шляпа, другимъ человѣкомъ сдѣлала. Вотъ бы немного развязности да лоску дворянскаго, тогда ступай, куда хочешь. А на купеческое общество и смотреть не стану, чорта ли въ немъ? Вотъ Безмыкинъ говоритъ, что онъ ни за что на свѣтѣ не согласится идти въ это общество; оно, говоритъ, для меня низко, я не привыкъ быть въ такой грязи,—я не такъ воспитанъ. Тамъ, говоритъ, не съ кѣмъ времени убить; а купеческія дочки... это, просто, телятина какая-то, право!

Маша. Ахъ, Боже мой, даже за глаза совѣстно!

Меѳодій. Что, Маша, хочешь я тебя съ нимъ познакомлю?

Маша. Да какъ же это можно? маменька не захочетъ.

Меѳодій. Она не узнаетъ: я прѣйду съ нимъ, когда она къ обѣдни уйдетъ. Ужъ такъ и быть уговорю его, онъ для меня это сдѣлаетъ. А ты съ своей стороны

пусти ему въ глаза пыли, этакъ что нибудь изъ книги (задумывается). Эхъ, Маша, еслибъ еще шинель съ бобромъ на куньихъ лапахъ, да перчатки лаковые, тогда бы все ни почему — катая, гуляй, куда глаза глядятъ.

Маша (не слушая его). Что, ты, Меѳодій, былъ вчера въ театрѣ?

Меѳодій. Еще бы! я теперь, почитай, каждый разъ бываю?

Маша. Что играли?

Меѳодій. Не знаю, я почти ничего не видалъ, все на ложи въ трубу смотрѣлъ. Славное удовольствіе этотъ театръ: сидишь себѣ, тутъ передъ тобой актрисы ломаются, музыка гудитъ, въ ладоши бьютъ, — больно усладительно (помолчавъ). Однако, тары-бары-самовары, а мнѣ пора идти покупать товары.

Маша. Куда?

Меѳодій. Эхъ, закудакала; добра не будетъ. Пойду въ ножовую, тамъ куплю себѣ трубу театральную, а то я надѣсь въ чужую смотрѣлъ.

Маша. Какъ купишь, принеси посмотрѣть.

Меѳодій (дѣлаетъ ручкой). Съ моимъ чувствительнымъ. (Уходитъ).

Маша. Вотъ, что значить познакомиться съ умнымъ человѣкомъ: какъ хорошо говорить сталъ! (къ входящей Авдотѣ) знаешь, какія новости?

Авдотья. Нѣтъ-съ, какія-съ?

Маша. Я завтра знакомлюсь съ чиновникомъ.

Авдотья. Ну, барышня, смотрите: съ ними водиться надо ухо востро держать, а не то сейчасъ осмѣютъ,—народъ грамотный. Еще они, говорятъ, комедіи пишутъ, ну, какъ они васъ тамъ напечатаютъ; вѣдь тогда сраму на всю Москву не оберетесь: будудъ пальцами тыкать.

Маша. Какія ты глупости говоришь.

Авдотья. Я такъ, сударыня, дай Богъ, чтобы на пользу, я вамъ зла не желаю, а такъ по добротѣ души, говорю. (Подумавъ). Вонъ Заварухина барышня гуляла, гуляла съ чиновниками, а теперь своя братья, купцы, знать не хотятъ,—она, говорятъ, замѣчена. Что и говорить, вы не рѣшитесь на такой поступокъ, ну, да почему знать, чѣмъ чортъ не шутитъ? лѣта молодья, на возрастъ... А вы, сударыня, какимъ же манеромъ познакомитесь съ ними?

Маша. А вотъ Меѳодій Семенычъ обѣщалъ привезти его къ намъ. Онъ съ нимъ очень друженъ.

Авдотья. Должно быть изъ интересу: вѣдь эти чиновники любятъ на чужой счетъ-съ. Вотъ я у фабриканта жила; у него сынъ то же съ дурью былъ и также страсть имѣлъ къ чиновникамъ; водился съ ними, пока были деньги, а потомъ они увидѣли, что у него ихъ мало да и отказали; ты, говорятъ, намъ теперь не нуженъ. Отецъ строгій былъ, баловать не любилъ.

Маша. Да развѣ Меѳодій Семенычъ съ дурью?

Авдотья. Ну, хоть и не съ дурью, а все не то, чтобы умный, все какъ-то этакъ (разводя руками) съ придурью. Почему знать, они, можетъ быть, и выровняются съ лѣтами: вѣдь Семень Семенычъ съ молоду-то тоже, говорятъ, глуповатъ былъ, а теперь поди-ка какой торговецъ, всѣхъ рядскихъ за поясъ заткнетъ — воровать его во всемъ ряду нѣтъ; такой пройда, хоть кого проведетъ; — намени моей знакомой гнилой платокъ продалъ. Онъ, говорить: глупая, гнилой-то еще лучше крѣпкаго, потому что гнилой-то и моль вѣтъ не станетъ, а хорошій или полиняетъ, или моль съѣстъ. Дѣвка-то робкая, взяла да и купила.

Маша. Это правда: въ нашемъ обществѣ образованныхъ мужчинъ очень мало, такъ что съ удовольствіемъ познакомишься хоть съ послѣднимъ чиновникомъ. Я думаю, Авдотья, завтра для перваго дебюта надѣть розовое платье; оно мнѣ, кажется, къ лицу!

Авдотья. Что же-съ? можно; оно видное платье: розовый цвѣтъ красоты придаетъ. (Уходитъ).

III.

Маша одна; потомъ Кроткина, Авдотья и Меѳодій.

Маша. И такъ, предо мною раскрывается новый планъ жизни, новыя идеи, фантазіи, — представляю, какъ это будетъ весело. Однако-жь, что я буду съ нимъ говорить? человекъ совершенно незнакомый. (помолчавъ). Впрочемъ, не мнѣ же начинать первой — я дѣвица, долженъ самъ начать. Воображаю, поведетъ разговоръ съ самой высокой ноты: каламбуры, куплименты...

Кроткина (входя). Ухъ, передрогла вся; на дворѣ сиверка такая.

Авдотья (входитъ вслѣдъ за Кроткиной). Гдѣ изволили побывать, сударыня?

Кроткина. У Коркиныхъ. Да! Машенька, совсѣмъ было забыла: за Евираничку женихъ присватался, какой-то изъ серебрянаго ряда, говорятъ, вишь, хорошаго поведения.

Авдотья. Ну, сударыня, прежде времени нельзя обсуждать этого. Вонъ Спиридонъ Саввичъ и изъ желѣзнаго ряда, а живетъ, дай Богъ всякому, никакому серебряному не уступить. Знаемъ мы этихъ серебряныхъ: только слава, что серебромъ торгуютъ, а у инаго, посмотришь, и товару-то всего на три алтына мѣдныхъ. А Спиридонъ Саввичъ и желѣзной лопатой золото загребаешь; до всего самъ дошелъ, безо всякой подпоры; ужъ надо честь принисать. Хоть и говорятъ, что нечестнымъ манеромъ капиталъ нажилъ, ну да это все шито да крыто, — чужая душа потемки, наблюдать не станешь.

Маша. Хорошъ собой?

Авдотья. И изъ себя не то, чтобы безобразенъ.

Маша. Нѣтъ, я про жениха-то говорю.

Кроткина. Еще не видали; завтра у Рождества смотрѣть будутъ; знатный, вишь, парень.

Авдотья. Что-то не вѣрится, чтобы знатный, потому, выходитъ, дѣвка съ норовомъ, хоть она вамъ и съ родни, сударыня; по я люблю правду говорить; что грѣха таить? какъ ни говори, лучше не будетъ, ужъ такъ создана.

Маша. За то собой не дурна, отформирована очень хорошо.

Авдотья. Это-съ правда, въ этомъ не стать отказывать: всѣмъ взяла — и ростомъ, и складомъ; только-съ одна бѣда: обычай-то у ней бычій; нравъ слишкомъ высокій; никакого обхожденія съ прислугой не имѣетъ все какъ-то съ грубостью.

Маша. Что-жь, маменька, весела она?

Кроткина. Да; тамъ такъ и покраснѣлась и съ матерью-то помягче стала, все мамашей называла. Это теперь-то такъ надменна, а тамъ обойдется, особливо какъ въ чужой семьѣ поживетъ; потакать не будутъ, вотъ и повѣситъ крылья. Вотъ я въ семьѣ жила, такъ и ходишь-то, бывало, по ниточкѣ, — все съ готовностью.

Меѳодій (входитъ). Какъ живете, можете? всѣ ли себѣ въ добромъ?

Кроткина. Спасибо на добромъ словѣ; живемъ по маленьку. Какъ вы себѣ?

Меѳодій. (Къ Машѣ) Ничего-съ, вотъ сюртукъ себѣ отхватили, что-ни-есть новѣйшаго покроя, по самой послѣдней фасоніи; (показываетъ на сюртукъ) Вѣдь это что такое-съ? атласъ не атласъ, бархатъ не бархатъ, плизъ какой ни-на-есть. Два часа битыхъ по магазинамъ шныряли; я, значить, готовый купилъ; насилу пригнали, всѣ узковаты приходились. Вотъ и жилетку гранатнаго цвѣту тоже въ одномъ мѣстѣ покупали.

Маша. Для чего ты такой длинный сюртукъ купилъ?

Меѳодій. Что-съ? теперь мода-съ. Вотъ и тамошній прикащикъ сказывалъ, что и въ Питерѣ, по Невскому, въ длиннополохъ гуляютъ. (Беретъ полы сюртука и напѣваетъ): «нолы машутся, раздуваются» (потомъ прихлопываетъ каблуками и поетъ на другой голосъ): «эхъ, самъ съ кудрями да съ усами разговариваетъ.» Вотъ еще алфаветую купилъ; хочу, значить, по французскому обучаться. Это, значить, по ихнему азбука алфаветою называется.

Кроткина. Что ты, Меѳопюшка? Сотвори молитву. Учиться по басурмански, говорятъ, страшный грѣхъ.

Маша. Э, маменька! Это одинъ предрасудки; теперь все стремится къ просвѣщенію.

Кроткина. У васъ все предрасудки;—вонъ Анисья Петровна рассказывала, что какой-то тоже вздумалъ обучаться по нехристиански, забыла по каковски, кажется по латыни, да онѣмѣль вдругъ. Вотъ грѣхъ какой! ужъ чего-чего съ нимъ не дѣлали: и отчитывали, и святой водой кропили, нѣтъ, ничего не помогло, такъ, говорятъ, и о сію пору пребываетъ въ онѣмѣнн.

Меѳодій. Нѣтъ-съ, это въ старину бывало, а теперь отъ науки только съ ума сходятъ.

Авдотья. (въ сторону.) А у тебя его нѣтъ кстати, стало, нечего бояться, учиться можно...

Маша. Ктожь тебя будетъ учить, Меѳодій?

Меѳодій. Безмыкинъ на гулянкахъ выучить, онъ теперь пока безъ должности.

Кроткина. Опъ самъ, небось, ни шиша не знаетъ.

Меѳодій. Нѣтъ-ст, онъ кой что маракуетъ: нѣтъ-нѣтъ, да и завяжетъ этакъ какое нибудь словцо. Онъ, значить, до втораго класса гимназіи дошелъ, тамъ, выходитъ, и понабрался этой премудрости. Вотъ и здѣсь, что нибудь отпустить по французски... (въ сторону) Ахъ, обмолвился, ну, да ей не вдомекъ, стара стала, не раскусить,—зубы притупились. Однако время во свояси убираться. Чай, отецъ бранить теперь на чемъ свѣтъ стоитъ: вѣдь кулакъ человѣкъ, изъ копѣйки паровить рубль сдѣлать; охоту до денегъ большую имѣетъ; анадьсь ажъ оторопъ взяла, какъ онъ самую что ни есть завалющую матерію въ два дорога всучилъ какому-то барицу; послѣ приносилъ,—просилъ обмѣнить. Нѣтъ, говорить, вы, должно быть, не у меня покупали: у насъ сродясь такой не бывало; вы, падать положить, обнести изволили,—въ другой лавкѣ брали. Такъ и пошелъ бѣднякъ.—Прощайте тетенька, (къ Машѣ тихо) смотри же, жди: завтра въ обѣдни нагринемъ. (поспѣшно уходитъ, напѣвая): «Аль у молодца крылья связаны, аль пути ему всё заказаны...»

IV.

Авдотья, Кроткина и Маша.

Авдотья. Что-то больно поматывать сталъ, ужъ не ихъ бы особѣ такіе тоны задавать, а то ишь шляпа не шляпа, сюртукъ не сюртукъ, и не съ такимъ достаткомъ въ трубу вылетали. На долго ли станеть?

Кроткина. Сюртукъ бы еще ни чего: теперь время холодное, подъ чуйкой не увидать, а вотъ шляпа-то больно наглазна, и то ужъ на сторонѣ-то говорятъ, что молодой Шабаевъ пошамливаеть.

Маша. Кто, маменька, говорить?

Кроткина. Хотъ и никто не говорить, я такъ-то про себя думаю, что говорить.

Маша. А какже вонъ Михѣевъ ужъ два года въ шляпѣ ходить, и то ничего.

Кроткина. И про него, небось, добраго слова не скажутъ, чтожь тутъ хорошаго?

Маша. А, вѣдь съ вами не сговоришь, вы все поперекъ дороги становитесь. (уходитъ.)

Авдотья. (Смотря на уходящую Машу) Нѣтъ-съ, сударыня, тутъ ужъ нечего-съ путнаго ождать: эти шляпы да подшляпы до добра не доводятъ. Оно все такъ то: сперва шляпа, потомъ фракъ какой-нибудь, а деньги-то идутъ да идутъ, вѣдь онѣ что вода—все единственно, текутъ себѣ помаленьку.

Кроткина. Именно вода; вотъ хотябы у насъ теперь, кажись, какіе расходы, а посмотришь, тридцати-сорока цѣлковыхъ въ мѣсяцъ какъ и не бывало. (Вздыхаетъ) Мудрено на свѣтѣ жить!

V.

Потѣхина, Кроткина и Авдотья.

Потѣхина. (Входя.) Здравствуй, моя милая! (подходить къ Кроткиной и цѣлуетъ еѣ три раза.)

Кроткина. Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Алена Ильинишна! ну, какъ ты себѣ поѣздила? Я думаю, новостей короба три привезла.

Потѣхина. Ахъ, еслибъ ты знала, моя милая, сколько! Петербургъ, удивительно, что такое! ты себѣ представить не можешь; тамъ такое великолѣпіе, что я тебѣ и рассказать не въ силахъ.

Кроткина. А что лучше Петербургъ, али Москва?

Потѣхина. Ахъ, какое же сравненіе! какъ небо отъ земли. (Обращаясь къ Кроткиной и къ Авдотѣ, которая слушаетъ съ большимъ участіемъ). Если бы вы знали, что тамъ такое!

Авдотья. Вы, небось, все тамъ видѣли, сударыня!

Потѣхина. Ахъ, все видѣла, рѣшительно все, а что лучше всего, такъ это театръ нѣмецкій. Представьте себѣ, все нѣмцы и нѣмцы,—русскаго ни одного человѣка; и актеры нѣмецкіе, только музыка русская, такая же какъ и наша; и по-русски ни одного слова не говорить. Извѣстно, я тамъ ничего не поняла, такъ только изъ любопытства была; а они, должно быть, понимаютъ, потому слушаютъ и, представьте себѣ, съ такимъ вниманіемъ, что даже глядѣтъ жалко; при томъ я, знаете, чувствительная такая...

Кроткина. Расскажи же, какъ ты на машипѣ-то ѣхала? Я думаю, какъ птица летѣла?

Потѣхина. Именно какъ птица, тамъ такъ скоро, что духъ захватываетъ сначала-то потихоньку все, а ужъ тамъ какъ разыграется и давай качать, что есть мочи летить; ѣдетъ, ѣдетъ да и завизжитъ вотъ какъ бѣшенныя собаки воютъ, самымъ жалобнымъ тономъ.

Кроткина. Вѣдь, говорятъ, Алена Ильинишна, что это нечистая сила возить.

Потьхина. Да, моя милая! я и сама любопытствовала объ этомъ. Въ нашемъ отдѣленіи какой-то мужчина ѣхалъ, этакъ видный изъ себя, должно быть изъ хорошаго дома; вотъ и обращаюсь къ нему; вѣдь я, знаете, любопытная такая. Позвольте, говорю, сударь узнать, что правда, будто бы нечистая сила помогаетъ машинѣ? Извѣстное дѣло, что правда, теперь, говорить, и ихнева брата поприжали, ужъ покуда, говорить, имъ не сидѣть сложа руки. Я такъ и ахнула. Ужъ тамъ. такія чудеса, моя милая. (Надѣваетъ солопъ.)

Кроткина. Ахъ, страсти какія!.. куда же ты?

Потьхина. Пойти нужно, моя милая, вѣдь я еще у Чуфѣевой не была. (Цѣлуетъ Кроткину и уходитъ.)

Авдотья. Теперь пошла разсыпать турысы на колесахъ.

Кроткина. Да! говорунья, большая говорунья...

А. Студинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МИССЪ ДЭВИСЪ.

(Разсказъ Диккенса.)

(Окончаніе.)

Устроивъ это дѣло какъ можно лучше, я кивнулъ головою моей собесѣдницѣ, которая, между тѣмъ, очевидно погружена была въ глубокія размышленія и тотчасъ принялась продолжать разсказъ, голосомъ тихимъ и задушевнымъ, какъ-будто разговаривала сама съ собою:

«Я еще сама могу припомнить, какова она была тридцать пять лѣтъ тому назадъ, а старикъ мой помнить ее и гораздо прежде. Жила она въ своемъ домицкѣ на пригоркѣ, вмѣстѣ со старымъ, слѣпымъ отцемъ, и хороша была, моя голубушка, такъ хороша, что немало такихъ дѣвушекъ можно было насчитать вокругъ снѣжной вершины Споудона. Часто видала я, какъ она вела своего отца по городу на рыпокъ, (тогда еще крытыхъ лавокъ и въ поминѣ не было) и старый скряга тягался и торговался изъ-за каждаго пенни. Скупъ онъ былъ, не тѣмъ будь помянуть, но торговые люди всегда ему уступали, потому что знали, что дочь никого не обидитъ и подъ конецъ таки разочтеть все какъ слѣдуетъ. Я никогда не любила этого старика. Но за то миссъ Елена смотрѣла на его сѣдую голову и незрячіе глаза съ такою нѣжностью, какъ-будто она боготворила его. Думаю что между родителями и дѣтьми должна существовать какая-нибудь особая любовь, которой я не могу понять, потому что не помню родителей своихъ и не имѣю дѣтей. Такъ или иначе, но Миссъ Елена обожала отца, и онъ ее также очень любилъ. Однако вы знаете что бываютъ два рода любви: одни

любятъ такъ, что все свое счастье полагаютъ въ счастіи другаго человѣка, а другіе больше думаютъ о самихъ себѣ.» (На это замѣчаніе хозяйки я имѣлъ возразить весьма многое, но воздержался и съ преважною миной утвердительно кивнулъ головою.)

«Она бы готова была умереть, чтобы спасти его жизнь, а онъ—можетъ быть, также умеръ бы съ горю—но впоследствии.»

«Они обыкновенно сживали вдвоемъ, въ лѣтнее время, у дверей своего коттеджа, которыя тогда, такъ же какъ и теперь, были густо обсажены алыми розами, потому что старикъ особенно любилъ ихъ запахъ, хотя разумѣется, не могъ уже любоваться ихъ цвѣтомъ и формою. Не видѣлъ онъ также ни пахучихъ, лилій, которыя росли тутъ же по близости, ни множества полевыхъ цвѣтовъ, покрывавшихъ склоны холма; но любилъ прислушиваться къ шуму перелетнаго вѣтра, когда, пробираясь между, кустовъ шелеститъ онъ въ вѣтвяхъ и нагибаетъ легкія метелки прибрежнаго тростника. Онъ говорилъ, что тогда чувствуетъ и ясно представляетъ себѣ всѣ красоты природы. И то сказать, что она вѣрно больше и лучше сказывается слѣпому человѣку, нежели намъ. Да и миссъ Елена всегда сидѣла тутъ же и направляла его руку на востокъ и на западъ. Она разсказывала ему о лѣсистой вершинѣ Пеналлина, съ утра позлащаемой первыми лучами солнца, о бѣло-снѣжномъ Споудопѣ, воздымающимся изъ-за нея подобно сѣдой головѣ, о сельскомъ трактирѣ и рыбачей пристани, о большихъ черныхъ неводахъ, развѣшанныхъ по шестамъ, и о судахъ съ красными парусами, выходившихъ въ море. Въ тихую погоду имъ слышно было, какъ кричали матросы, подымая якорь, какъ ударяютъ веслами, отчаливая отъ берега и какъ вода плещетъ имъ влѣдъ. Все, что ни дѣлалось вокругъ, она ему разсказывала, будто книгу читала, и вѣрно голосъ ея не портилъ дѣла! Съ ранняго утра до вечерняго заката, до той поры, какъ уже дѣвушки пойдутъ по каменнымъ ступенямъ, возвращаясь съ пастбища, и каждая несетъ на головѣ полный кувшинъ молока, а горы рдѣютъ въ красномъ заревѣ заходящаго солнца, на пригоркѣ сидѣлъ старикъ съ дѣвушкой, ученикъ со своею наставницей. Я не думаю однако же, чтобы сидя тутъ, она только въ томъ и находила радости, что угождала отцу: нѣтъ, была одна рыбачья лодка въ Пенланриподольови, которая была ей дороже всѣхъ на свѣтѣ, и знала миссъ Елена, когда на нее вступалъ хозяинъ, потому что онъ нарочно для этого распускалъ бѣлый флагъ, а самъ Ричардъ Овень, подымалъ ли убиралъ ли свои красные паруса — всегда заглядывался на бѣлый платокъ, которымъ махали ему изъ коттеджа, что на пригоркѣ. И ужъ какъ завидитъ этотъ платокъ, такъ черезъ полчаса прибѣжитъ съ приста-

ни прямо къ двери, обросшей алыми розами. Мнѣ кажется, очень удобно было то, что старый джентльменъ, третій членъ этого маленькаго общества, былъ слѣпъ. Полагаю, что вовремя оно, это обстоятельство было-бы не противно мистеру Апрису, находившемуся тогда въ положеніи Ричарда Овена.

«Вскорѣ мистеръ Дэвисъ увидѣлъ, или по крайней мѣрѣ слышалъ, что тутъ дѣло не ладно и собесѣдники его влюблены другъ въ друга. Съ этихъ поръ онъ сталъ на нихъ точить зубы. Старикъ видно завидовалъ Ричарду Овену въ томъ, что онъ имѣлъ хорошее зрѣніе, былъ молодъ и щедрога права; а пуще всего не возлюбилъ онъ его за то, что Ричардъ похитилъ у него частицу дочернаго сердца, которымъ онъ не намѣренъ былъ ни съ кѣмъ подѣлиться. Стариковское ухо стало еще чутче прислушиваться къ походкѣ молодаго Ричарда, когда онъ всходилъ на гору, нежели ухо любящей дѣвушки, и при этомъ звукъ лица слѣпца затуманивалось тяжкою невзгодой, которой Елена не могла не замѣтить. Онъ никогда не заговаривалъ съ нею объ этомъ, а только бормоталъ иногда: «Ждутъ ждутъ, чтобы я умеръ — смерти моей хотятъ!» Слыша это она горько плакала. Долго это продолжалось, а она, бѣдняжка, все ждала и надѣялась, но никогда, я думаю, и не помышляла покинуть своего стараго отца.

«Ричардъ былъ малый не промахъ, рѣшительный и поспѣшный: надоѣло ему такъ долго тянуть свои дѣла и вотъ однажды онъ смѣло и прямо началъ говорить съ нею, въ присутствіи старика, о томъ, что напрасно она собою хочетъ жертвовать безъ всякой нужды: «Разсуди, говорилъ онъ, что вѣдь отецъ твой можетъ, жить вмѣстѣ съ нами, и ты будешь за нимъ ухаживать такъ же, какъ и теперь. Вотъ уже годъ, милая Елена, какъ я все выжидаю, и не вижу, чтобы ты теперь была ко мнѣ ближе, нежели съ самаго начала. Сегодня вечеромъ я приду сюда за твоимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ, и молю Бога, чтобы Онъ смягчилъ сердце отца твоего въ нашу пользу; а не то, я завтра же оставлю этотъ городокъ навсегда, и тогда, можетъ-быть, соскучишься ты, не видя больше привѣтнаго бѣлаго флага!»

«Старикъ во все это время не выговорилъ ни одного слова, только держалъ руку дочери и все потихоньку ее поглаживалъ; но какъ только Ричардъ ушелъ, онъ началъ горько плакаться на судьбу свою и такъ разжалобилъ дѣвушку, что она стала его всячески утѣшать и умоляла не беспокоиться изъ за нея. «Никогда я тебя не покину,» говорила она, «не оставлю я тебя, мой родной, одинокаго и слѣпаго, хоть и крѣпко любить меня милый мой Ричардъ. — А ужь какъ

тяжело ей было выговорить это — мы только послѣ узнали!

«Вечеромъ, когда милый ея пришелъ за отвѣтомъ, она объявила ему рѣшительный отказъ, отъ котораго у ней самой сердце разорвалось на части, а его гордая душа такъ оскорбилась, что онъ даже не простился съ Еленою и молча вышелъ, въ холодную, бурную ночь.

«Я хорошо помню этотъ вечеръ: Ричардъ пришелъ въ нашу гостиницу, проститься со старыми друзьями. Хозяиномъ здѣсь былъ тогда мой дядя, который смолodu былъ также морякомъ, и сталъ онъ его упрашивать не пускаться въ море въ такую срашную погоду: тогда уже начались октябрьскія бури, волны ходили выше пристани и угрожали даже гостиницѣ. Я смотрѣла на Ричарда и думала: что за красивый молодецъ! Онъ отвѣчалъ дядѣ, что уйдетъ въ море завтра утромъ, хотя бы не нашлось ни одного человака, чтобы помочь ему справиться съ лодкою. И точно, на другой день, на зарѣ, онъ отплылъ и не смотря на раннюю пору весь городъ высыпалъ на набережную, всѣ тѣснились какъ можно ближе къ морю, и смотрѣли какъ онъ отъѣдетъ на своемъ кораблѣ; а въ коттеджѣ, на пригоркѣ, навѣрное была особа, которая пуще насъ вперяла свои безсонные, заплаканные глаза на дорогой корабликъ.

«Вѣрно не одинъ часъ смотрѣла она, какъ онъ ложился то на одну сторону, то на другую, по всему взволнованному заливу, потомъ весь скрывался изъ вида — кромѣ бѣлаго флага, который привязанъ былъ къ мачтѣ и беспрестанно то лежалъ на черной водѣ то вздымался будто на огромную гору. Бѣлый флагъ все тускнѣлъ, тускнѣлъ вдали, въ глазахъ ея спасти крутились, путались и судно казалось уже въ открытомъ морѣ, хотя незамѣтно было, какъ оно дошло туда; но пока его вертѣло противъ Гелльсмауса (Чертова-зѣва), близъ острова Бардзее, она совсѣмъ потеряла его изъ виду.

«Къ вечеру того-же дня она снова его увидала, — увы, вѣтеръ и вечерній приливъ прибили его опять къ берегу, но уже вѣверхъ кормою! — Бѣдной дѣвушкѣ было въ это время не больше двадцати лѣтъ, но съ того часа волосы ея побѣлѣли, какъ снѣгъ. Она все блѣднѣла и худѣла, но никогда не жаловалась, даже и слова не сказала о томъ отцу, какую потерю попесло ея скорбное сердце и какая переменна призошла въ ея наружности. Одинъ разъ только, когда онъ попробовалъ погоревать вмѣстѣ съ нею, поблагодарить ее за то, что она для него сдѣлала и выстрадала, она остановила его, выговоривъ нѣсколько такихъ словъ, послѣ которыхъ онъ уже не посмѣлъ заговорить съ нею объ этомъ.

«Часъ за часомъ, въ продолженіе долгихъ лѣтъ,

ходила она за нимъ, покоила его, проводила до могилы и теперь еще съ любовью украшаетъ эту могилу цвѣтами. Но не тутъ, я думаю, схоропила она свое сердце, а гдѣ нибудь подале, въ глубокихъ волнахъ синяго моря, тамъ, гдѣ погибъ ея милый.

Старикъ, оставивъ ей большое состояніе (особенно по здѣшнему житью), думалъ, кажется, что этимъ онъ ей за все заплатилъ. Но въ сущности выигралъ отъ того только нашъ городокъ. Я уже вамъ говорила, что миссъ Дэвисъ обращается въ бѣдными людьми, работающими на морѣ, какъ съ родными дѣтьми своими. Особое вниманіе прилагаетъ она къ тѣмъ, которые пострадали подобно ей, то-есть, потеряли мужей или родственниковъ во время бури: для нихъ она выстроила свои богодѣльни и безпрестанно ихъ навѣщаетъ. А ужь сегодня, въ тотъ самый день, какъ бѣдный Ричардъ Овенъ утонулъ тридцать лѣтъ тому назадъ, она съ ранняго утра ходить по домамъ и поминаетъ своего жениха кучею благодѣяній.

«Я думаю,» прибавила мистрисъ Априсъ, вставая съ кресель и утирая глаза, «я думаю сэръ, что это самые лучшіе поминки покойнику!»

— Совершенно справедливо, сударыня, отвѣчалъ я. Позвольте отъ всего сердца поблагодарить васъ за интересный вашъ рассказъ. Скажите пожалуйста, какъ вы думаете, счастлива-ли теперь эта милая старушка, бѣдная миссъ Елена?

«Конечно не такъ, какъ бы она могла быть съ своимъ возлюбленнымъ; я никакъ не могу почитать этого возможнымъ, съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ за добраго моего Априса; но все-таки она можетъ быть счастлива, потому что Богъ вѣроятно ее любитъ, а люди — я знаю, — что любятъ крѣпко!»

Я надѣлъ туфли, которыя было совсѣмъ слѣзли въ продолженіе этого трогательнаго рассказа и пошелъ спать. Сновидѣніе представило мнѣ множество пріятныхъ призраковъ и ангельскихъ фигуръ; но ни одна не произвела на меня такого прекраснаго впечатлѣнія, какъ милая старушка въ траурѣ — добрая миссъ Дэвисъ.

МЕЛОЧИ .

Солнце — предатель.

Учитель. Извините меня, Иванъ Ивановичъ, что я пропустилъ нѣсколько уроковъ: я цѣлую недѣлю пролежалъ въ постели.

Инспекторъ. Душевно сожалею, что вы были больны; только я посоветую вамъ впередъ при подобныхъ случаяхъ занавѣшивать отъ солнца ваши окна, чтобъ оно не светило на вашу постель, — а то вы ужасно загорите послѣ каждой болѣзни.

СОВѢТЫ ОТЦА СЫНУ.

Если хочешь жениться, ухаживай за матерью особы, на которую мѣтишь; нѣтъ у нея матери, за теткой; нѣтъ тетки, за горничной; нѣтъ горничной, за любимой вещью, собаченкой, или тому подобнымъ.

Если хочешь побѣдить кокетку, волочись за ея лучшею пріятельницею, которая, непременно, есть ея злѣйшій врагъ, или, точнѣе говоря, которой она завидуетъ во всемъ — даже въ ея недостаткахъ.

Если у тебя болитъ зубъ, вырви его, а не издерживайся на лѣкарства; все будутъ напрасны. Пусть зубной врачъ ошибется, выдернетъ здоровый зубъ вмѣсто больнаго, больной перестанетъ болѣть. Очень глупо, но истинно.

Если хочешь у барышника купить лошадь, торгуй не ту, которая нужна тебѣ, — иначе заплатишь оцѣнь дорого.

Если хочешь въ такъ-называемомъ обществѣ прослыть добрымъ, не дѣлай никогда ничего ни для кого, но жалѣй всѣхъ и cadaго, — соглашайся со всякимъ вздоромъ, который будутъ говорить при тебѣ, и вообще старайся быть меньше всякой данной величины.

Чтобы прослыть дѣльнымъ человѣкомъ: со стариками будь консерваторомъ, со старухами — алармистомъ, съ молодыми людьми — либераломъ. Яснѣе: старикамъ пой о современномъ развращеніи нравовъ, о прелестьяхъ поэзіи Хераскова и о дороговизнѣ модныхъ портныхъ; со старухами плачь надъ тѣмъ, что горничныя ходятъ въ шляпкахъ, а кучера пьютъ чай; гимназистамъ городи что нибудь о торжествѣ разума и доказывай, что должно ходить по улицѣ разстегнутымъ.

Необыкновенная перемѣна.

— Здравствуй, любезнѣйшій! какъ же ты перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой не видались!

— И звините, милостивый государь, я не имѣю чести...

— Какъ? развѣ вы не г. Петровъ?

— Нѣтъ. Моя фамилія Власовъ.

— Это удивительно! даже фамилія перемѣнилась!

— У профессора эстетики была прехорошенькая дочь, въ которую былъ влюбленъ одинъ студентъ; она была также къ нему не равнодушна, и написала ему однажды, чтобъ онъ приходилъ къ пей всегда, когда отецъ ея бываетъ на лекціи. Эти свиданія продолжались цѣлый семестръ, и профессоръ каждый разъ не видалъ студента въ числѣ своихъ слушателей. Когда молодой человѣкъ явился къ нему съ обыкновенною платою за лекціи, профессоръ спросилъ его: «что же вы дѣлаете въ то время, когда я читаю лекціи? я васъ никогда не вижу». Я изучаю эстетику по вашему творенію, отвѣчалъ ему студентъ.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ И ДОСТОВѢРНАЯ ИСТОРИЯ,

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ЗНАМЕНИТЫЙ ХУДОЖНИКЪ ПЕСТРОВЪ НАЧИНАЕТЪ И ОКОНЧИВАЕТЪ КАРТИНУ СЪ НАТУРЫ.

(К. И. РАБУСА.)

(Окончаніе).

Пестровъ достигъ своей цѣли, но природа его увлекаетъ....

УДОВОЛЬСТВІЯ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

Собираніе грибовъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Депеша третья.

Кое что о томъ,
 Что занимаетъ жителей столицы.
 Мы, разумется, разскажъ съ того начнемъ,
 О чемъ жужжать въ личики и лица; —
 Въ кафе, на улицахъ, на дачахъ, на водахъ,
 На биржѣ, въ кухнѣ и въ самопѣ,
 На всѣхъ устахъ, во всѣхъ кружкахъ,
 Рѣчь о Луи Наполеонѣ,
 О мирѣ съ Австріей. —

Мудренія дѣла

Теперь свершаются на свѣтъ!
 Политика такихъ чудесъ намъ наплела,
 Въ такія затянула сѣти,
 Что всѣ политики *Лесковъ и Острововъ*,
Поллюстрова и Черной рѣчки,
 Остались просто безъ головъ!
 Всѣ ждали крови, рубки, свѣчки,
 И вдругъ! . . . Но это воя изъ рукъ!
 Ломбардией, какъ мячикомъ, швыряютъ,
 Венецію опять впрягаютъ въ Вѣнскій плугъ, —
 На двухъ господъ работать заставляютъ!

Титуль почетный Папъ поднесенъ;
Да развъ прежде былъ онъ не въ почетъ?
Но гдѣ-жь свобода то раздробленныхъ племень? —
Да тамъ же, гдѣ была, лишь въ новомъ переплетъ.
И — правду говорятъ, — блестящій переплетъ, —
Шагрень, тисненный превосходно! . . .
И — слухи носятъ, — французскій переводъ
Ей будетъ сдѣланъ, очень сходный.
Жаль только Пруссію. Ей этотъ переводъ,
Какъ слышно станеть, въ двадцать милліоновъ!
Авось Германскій сеймъ ихъ на себя возьметъ,
Въ счетъ будущихъ Наполеоновъ.

Но о политикъ довольно толковать; —
Она, подчасъ, отлично кашу варить!
Начнетъ пріятелей отъ полымя спасать, —
Глядь: медленнымъ огнемъ сама же ихъ исжаритъ!

Вернусь теперь къ своимъ затѣямъ и дѣламъ.
Прогрессъ у насъ кишмя кишить, на славу!
Что прежде трудъ былъ страшный намъ,
Теперь же просто сталъ въ забаву.
Возьмемъ, хоть взятки. Въ прежніе года,
О нихъ не смѣли заикаться;
Теперь же къ намъ онъ попались въ невода;
Мы съ ними стали, просто, драться!
Клеймимъ, караемъ и казимъ,
Сатиры искрой сожигаемъ,
И чтобъ сильнѣй задать впередъ острастку имъ!
Мы тѣми жъ взятками на умъ ихъ наставляемъ!

Ахъ, кстати, что у насъ случилось на дняхъ:
Какой то журналистъ къ откупщику приходитъ,
Не тратя лишнихъ словъ въ пустыхъ обинякахъ,
Съ нимъ рѣчь о томъ заводитъ,
Что на листахъ своихъ потомству передать
Всю біографію его онъ затѣваетъ;
Но, такъ какъ этотъ трудъ его карманъ пугаетъ,
То проситъ у него займы онъ тысячь пять.
Но логики такой сатрапъ не испугался,
А, просто, попросилъ: откуда тотъ пришелъ,
Туда бъ и убирался.
Однако, какъ-никакъ, а журналистъ нашель
Въ другомъ откупщикъ, чего въ видахъ прогресса,
Искалъ у перваго. — Вотъ это всѣмъ урокъ.
Кто посвятилъ себя для ближнихъ интереса,
Такъ тотъ и изъ воды съумѣетъ выжать сокъ!
А жадный откупщикъ судьбой наказанъ сильно;
Что ни недѣля, то ударъ!
Одной ногой стоитъ за грабью ужъ могильной.
Вотъ вамъ питейный — левъ и журналистъ — комаръ!

Журналоманія съ ума насъ просто сводитъ!
И даже «*Monde brillant*»
Журналъ садовый свой заводитъ;
Въ немъ каждый номеръ — транспарантъ.

Издатель Излеръ. — Фохтъ — ответственный редакторъ,
Наборщикъ, рисовальщикъ, факторъ,
Листъ въ сажень вышиной, название: «*Monde brillant*;»
По духу — эмигрантъ
«*Journal rouge rigé*» и «*Дорфбарбира.*»
Выходитъ, — какъ пришлось; подписки вовсе нѣтъ; —
Такъ быются изъ чего жъ кисть, коленкоръ и лира?
Да такъ! Чтобъ развлекать отъ скуки модный свѣтъ.
На это мастеръ, вѣдь, нашъ Излеръ, всѣмъ извѣстный;
Онъ — маленькій царекъ всѣхъ загородныхъ мѣстъ,
Гуляевъ, острововъ, — гдѣ льтомъ сбытъ чудесный
Букетовъ вяленькихъ и вянущихъ невѣсть.

Въ Юньскіе жары весь Петербургъ у насъ
Страдалъ жестоко *воспаленьемъ*;
Теперь же, молвить въ добрый часъ,
Болѣзни этой рѣже проявленье?
Дождь началъ укрощать намъ нутреной пожаръ,
Погода стала холоднѣе;
Но нашимъ медикамъ судьба шлетъ новый даръ:
Холера развилась сильнѣе.

Въ Іюнь памятникъ открытъ былъ Николаю;
Великопное свершилось празднество!
Передъ величіемъ его я умоляю;
Слилося въ немъ всей Руси торжество!

Нашъ Питеръ опустѣлъ. — На дачахъ, за границей,
Разсыпался столичный нашъ beau monde;
Кто дышитъ Римомъ, Пизой, Ниццой;
Кто Лондона туманы пьетъ;
Кто залетѣлъ въ Стамбулъ, изиженный кораномъ;
Взглянуть на бытъ разрозненныхъ Словянъ;
А кто, въ стремленіи къ прогрессу слишкомъ рьяномъ,
Похалъ изучать покрой пальто — Рагланъ.
Кто въ Пятигорскъ катитъ; кто воды пьетъ въ Карлсбадъ;
Кто въ Крымъ *Крымскую* похалъ развивать, —
Затѣмъ, что ей прошла ужъ мода въ Петроградъ;
Онъ «*угождение дорожнымъ*» сталъ хлебать.
И надо честь отдать, — по шерсти и названью!
Угодно дорого вамъ за воду платить, —
Такъ можете, въ видахъ *невинныхъ* поддержанья,
Ее на станціяхъ дорогъ желѣзныхъ пить.
Приготовленіе ея весьма не сложно:
Вода рѣки Невы, часть хлѣбнаго вина
Цѣною въ три рубли. — Самимъ все сдѣлать можно;
Но только будетъ ужъ совсѣмъ не та цѣна,
И въ пятьдесятъ рублей ведро не обойдется;
За то ужъ откупъ вамъ не станеть *угождать*,
Дорожный людъ тогда совсѣмъ съ ума сохнетъ;
И наведетъ на умъ откупщиковъ опять!
Такъ лучше вовсе вы не пейте «*угожденья*».
А въ члены трезвоты старайтесь попадать,
Тогда откупщикамъ придется, безъ сомнѣнья,
Вновь къ «*Утоленію печали*» прибѣгать.

Отъ чего иногда можетъ разстроиться человекъ.

(И. Ф. Шестакова).

Толстый господинъ..... Только садимся мы вчетверомъ: я, дочь да князь съ болваномъ; дочь объявляетъ игру... мнѣ сосѣдъ и говоритъ: «не ходи—обремизишься.» Помилуй, говорю ему: посмотри, какая сильная масть на рукахъ, какъ тутъ пасовать? И пошелъ. Что же ты думаешь, братецъ? Всѣ до одной мои фигуры подвели! и попалъ въ лабетъ. Что ты будешь дѣлать? Вотъ и на счастливомъ мѣстѣ сидѣлъ; сколько лѣтъ игралъ—не проигрывалъ; а тутъ—на поди! Вотъ что значить судьба-то!

Худощавый господинъ. Истинно такъ, Ваше Превосходительство! противъ судьбы ничего не подылаешь.

Да кстати о винѣ. — На дняхъ я сцену видѣлъ,
На станціи одной изъ рельсовыхъ дорогъ;
Хоть хладнокровіемъ меня Богъ не обидѣлъ,
Но все таки ее я вынести не могъ.
Съ ступенекъ станціи спускается внизъ дама
Весьма приличная; на ручкѣ сакъ вояжъ; —
Вдругъ, на нее, какъ звѣрь, въ буквальномъ смыслѣ, прямо
Кидается кордонный пьяницъ стражъ;
Терзаетъ бѣдную и тормозитъ жестоко,
Карманы, сакъ вояжъ, все роетъ, треплетъ, рветъ;
Отъ обморока та ужъ очень не далеко,
А онъ — въ кварталъ ее влечетъ!
«Васъ, барынь, говоритъ, прівѣзжихъ очень много;
«А намъ обыскивать всѣхъ откупщикъ велитъ,
«Да и обыскивать какъ только можно строго,
«Затѣмъ, что провезти вино всякъ наровитъ;
«Въ уздѣ, вишь, оно дешевле»

Къ счастью дамы
Полковникъ добрый къ ней какой-то подоспѣлъ,
И стража откупа на гаубвахту прямо
Отправилъ, отстранивъ отъ безобразныхъ дѣлъ;
Но, вѣдь, Полковники не могутъ безпрестанно
Являться на такой скандалъ;
А потому ей-ей, все это очень странно!
Не много ль черезъ чуръ себя правъ откупъ взялъ?
Пускай онъ дѣйствуетъ подчасъ весьма искусно,
Но это, вѣдь, чуть-чуть съ разбоемъ не равно. . . .
Откупщикамъ оно, быть можетъ, лишь смѣшно,
А честнымъ гражданамъ все это очень грустно!

С.-Петербургъ. Юля 17 дня 1859. 9 час. 21 мин. утра.

А. К. Зловъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1.

Издатель одного лопнувшего на сырной неделе журнала, человекъ съ огромными позваніями въ книжной аэростатикѣ, да и по всемъ частямъ книжнаго дѣла извѣстный энциклопедистъ, ищетъ себѣ компаніона для новой операціи надъ подпищичьими карманами и терпѣніемъ, въ видѣ возобновленія старой, когда-то издававшейся подъ его вѣдѣніемъ, энциклопедической азбуки. Спѣшимъ рекомендовать этого господина, какъ артиста своего дѣла всякому, у кого водятся шальные деньги. Вся занятія по изданію, какъ-то: приходъ и расходъ кассы, меблированіе заново своей квартиры, покупку экипажей и лошадей, даже заготовку гардероба, въ настоящее время сильно пообвѣтшавшаго, уплату прежнихъ, (разумѣется уже не терпящихъ отлагательства), долговъ, однимъ словомъ все, даже самыя мелочныя хлопоты, какъ-то спрыски изданія шампанскимъ и изящными завтраками во всехъ ресторанахъ Петербурга и распространенія онаго между всеми Петербургскими, а пожалуй и Парижскими камеліями, вообще все то, что касается кассоваго *кредита*, артистъ этотъ принимаетъ на себя, предоставляя своему компаніону самую легчайшую, матеріальную часть изданія, а именно: приобрѣтеніе статей отъ сотрудниковъ, заготовку бумаги, печатаніе, редакцію, корректуру, и другія, тому подобныя пустыя статьи *домашняго расхода* по изданію; разумѣется, все это за собственный счетъ компаніона впродъ *до благопріятнаго* расчета въ будущемъ. Имѣющимъ капиталы, (чѣмъ больше), тѣмъ лучше), симъ рекомендуется не упустить такого удобнаго случая превратить ихъ въ наслажденіе пользованія мирною сѣнью долговаго отдѣленія и поторопиться войти въ компанейскія соотношенія съ вышесказаннымъ гениальнымъ издателемъ; въ противномъ случаѣ онъ найдется вынужденнымъ улепетнуть отъ своихъ кредиторовъ за границу.

Письма къ нему по этому дѣлу адресовать такъ: На Васильевскій Островъ, въ которую-то линію, въ Гоголевскомъ переулкѣ, въ домъ Чичикова на имя г-на Плюшкина съ передачею.... кому? тамъ ужъ пальцемъ покажутъ! А про городъ-то и изъ памяти вонъ!... впрочемъ, само собой разумѣется, что С. Петербургъ.

Зубной врачъ.

Былъ некогда въ городъ N* зубной врачъ, или правильнѣе *рвачъ*: потому что онъ не лѣчилъ зубовъ иначе, какъ только выдергиваніемъ ихъ. Онъ, говорятъ, такъ усердно принимался за свою работу, что почти всегда говорилъ своимъ пациентамъ такое предостереженіе: «Сдѣлайте милость раскрывайте пошире ротъ, чтобъ я васъ излишне не поранилъ: можетъ случиться, что вмѣстѣ съ зубомъ выдернется и часть челюсти!»

Сказываютъ, что нерѣдко такое предостереженіе, даже безъ выдергиванія зуба, избавляло радикально отъ зубной боли.

Отецъ. Не шуми, Ваня; мамаша твоя больна и лежитъ въ постель; если ты будешь уменъ, то у тебя сегодня ^{будетъ} маленькій братецъ или сестрица; что для тебя лучше?

Сынъ. А гдѣ ты возьмешь ихъ, папаша?

Отецъ. Ихъ принесетъ та старушка, которая теперь сидитъ у мамыши.

Сынъ. Ну такъ скажи ей, чтобъ она вмѣсто ихъ принесла мнѣ лошадку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Любители религіознаго чтенія найдутъ прекрасную духовную пищу въ недавно вышедшей книгѣ: «Восемь краткихъ поученій» Протоіерея Родіона Путятина. Имя этого замѣчательнаго проповѣдника такъ извѣстно въ нашей духовной литературѣ, что нисколько не нуждается въ журнальныхъ похвалахъ и мы вполне увѣрены, что и безъ нихъ эта новая книга найдетъ себѣ обширный кругъ читателей. Изданіе очень красиво, даже роскошно, и цѣна доступна для каждаго *).

Любителямъ легкаго чтенія рекомендуемъ новое прекрасное изданіе «Смѣхъ и Слезы» рассказы доктора, сочин. А. Голицынскаго. Это сборникъ, заключающій въ себѣ пять рассказовъ, весьма разнообразныхъ и при томъ очень занимательныхъ по своему содержанію, которое заимствовано изъ наблюденій надъ вседневною жизнію въ теченіе многолѣтней практики доктора. Изданіе это, по своему внешнему виду, принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ великокопныхъ: оно представляетъ красивый кипсекъ въ большую четвертую долю листа, украшенный семью рисунками художника Шмелькова, весьма отчетливо отпечатанными на камнѣ въ литографіи г. Шервуда, недавно открытой въ Москвѣ. Какъ сочиненіе этихъ рисунковъ, такъ и исполненіе ихъ на камнѣ дѣлаютъ честь художнику, и мы отъ души желаемъ успѣха этому изданію.

*) Прод. въ книжн. лавкѣ Салаева, на Никольской. Цѣна 75 к. с.

Редакторъ *Ө. Миллеръ.*